



*Культурология*

**УДК 13.01**

**А.В. Ставицкий**

**Ставицкий Андрей Владимирович**, канд. философ. наук, доцент, доцент кафедры истории и международных отношений, Филиала МГУ имени М. В. Ломоносова (г. Севастополь, ул. Героев Севастополя, 7), e-mail: stavis@rambler.ru

## **ПРИЧИНЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ МИФА В СОВРЕМЕННОМ РАЦИОНАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ**

Статья посвящена рассмотрению причин возрождения мифа, которое обычно связывают с возвращением мифа в современную внешне рациональную жизнь и называют ремифологизацией.

**Ключевые слова:** современный миф, ремифологизация, мифотворчество.

**A.V. Stavitskiy**

**Stavitskiy Andrey Vladimirovich**, candidate of philosophical sciences, Associate Professor, Associate Professor of history and international relations, a Branch of Moscow State University (7, Heroes of Sevastopol street, Sevastopol), e-mail: stavis@rambler.ru

## **THE REASONS FOR THE REVIVAL OF MYTH IN A MODERN RATIONAL SOCIETY**

The article is devoted to the reasons for the revival of the myth, which is usually associated with the return of the myth to the modern outwardly rational life and is called remythologization.

**Key words:** modern myth, remythologization, myth creation.

Дабы объяснить, на первый взгляд, довольно запутанную ситуацию с бурным возрождением мифа в современном обществе, которое под давлением науки давно отсеклось от мифа и мифотворчества, предоставив это занятие людям отсталым и необразованным, ученые заговорили о кардинальном переломе в обществе и в сознании людей, сопровождающимся возвращением в т. н. «новую архаику». Согласно данной версии развитие массовой культуры и помноженные на философию постмодерна технологии манипуляции создают благоприятную среду для социального мифотворчества. И с этим нет смысла спорить. Но в итоге все сводится к общей деградации. «Уровень сложности ситуации «двойного перелома» значительно превышает познавательные и адаптационные возможности индивидуума, – сетует по этому поводу Ю. М. Загвозкина. – Отсюда проистекает парадоксальная архаизация современного общества, в котором «человек разумный» преобразуется в «человека мифологического». Новая архаика сопровождается процессами хаотизации, плюрализации и маргинализации сознания, общей деструкцией постсоветской ментальности» [1, С. 3]. Иными словами, человек оказался жертвой обстоятельств, трансформируясь в новых условиях по принципу «соленого огурца», согласно которому, хочет или нет огурец быть соленым, но если попал в банку и залит рассолом, то уже никуда не денется.

Однако насколько логично объяснять процесс ремифологизации и повышенного внимания науки к мифу не новым уровнем развития современной науки и возросшими возможностями ее в познании мифа,

связанными с открытиями современных мифологов от А. Ф. Лосева до К. Леви-Строса, а развитием массовой культуры, массовизацией общественного сознания и господством в культуре обыденного сознания и постмодерна? В какой степени попытка объяснить связанные с ремифологизацией новые социокультурные явления общей тотальной деградацией обоснована? При этом сторонники данной концепции не понимают, что универсальная пластичность мифа позволяет ему любую среду сделать благоприятной для мифотворчества [6]. Ведь миф из всего может извлечь то, что нужно для его функционирования [8]. Из великого и малого, вечного и сиюминутного, собирания и распада, созидания и разрушения, из объектов культа и из их развенчания, из хаоса и иерархии, из любви и ненависти, равенства и свободы, из стремления к нравственному или порочному, высокому или низкому, через критику и восхваление, сакрализацию или нигилизм.

Одним словом, миф возникает из всего и реализуется через все, что может стать для человека или общества значимым, независимо от того, считают данное общество демократическим или тоталитарным, устанавливается ли в нем власть преимущественно насилием или манипуляцией, является ли это общество по своей структуре массовым или строго иерархичным [5]. В любом случае миф сделает свое дело и породит в обществе те представления, которые люди хотят иметь и готовы принять как должное.

Поэтому, не отрицая происходящих процессов в принципе, уточним, что своеобразное превращение «человека разумного» в «человека мифологического» связано не столько с архаизацией общества, которое как бы автоматически должно сопровождаться и архаизацией, а в обывательском представлении – дебилизацией сознания, или с расцветом т. н. «имагинационных» технологий, сколько с попытками компенсировать пробелы в представлениях общества, связанных с тем, что в нем за последние десятилетия произошло. Миф вернулся. Но почему и на каких основаниях, ученые отвечать затрудняются. Оно и понятно, ведь объяснения они ищут на

базе господствующих в обществе стереотипов, а согласно им, миф «возвратиться» не должен был ни при каких условиях, так как наука обеспечила человеку «презумпцию рационального сознания», как казалось, навсегда.

По этому поводу заметим, что подобный подход упрощает анализ до сферы привычного, делая его удобным для понимания. Но настоящего ответа он не дает, так как то, что представлено в нем как ответ, на деле скорее тешит человеческое самолюбие и тщетно «латает» быстро расплывающуюся аргументацию былых времен, когда человек был уверен, что с мифом он справился раз и навсегда. А потому ответ на вопрос: как, по какой причине «человек разумный» вдруг стал «человеком мифологическим»? - вытекает из вышесказанного: исключительно под воздействием социальных обстоятельств.

С одной стороны на него влияют социально-экономические перемены, связанные с тотальной архаизацией (а точнее – с развалом) экономики. С другой – информационные («имагинационные») технологии, нивелирующие личное сознание до уровня массового. И все вроде бы все ясно и понятно. При этом подобная аналитика игнорирует тот «субъективный» факт, что человека нельзя практически незаметно для него подвести к такому внутреннему состоянию, для возникновения которого у него не сложилось причин. «Благородный» человек не может стать «подлым», если эта подлость не была заложена в нем ранее. «Правдивый» не станет «лжецом», если не умеет лгать, как бы среда на него ни влияла. Одним словом, человеческое сознание в состоянии нести в себе и «рациональное» и «мифологическое» начала, используя их в той степени, в какой это необходимо для человека.

Отсюда вытекает тот факт, что в отличие от экономики, которая действительно за период независимости постсоветских государств в значительной степени архаизировалась, растеряв свои былые достижения количественно и качественно, сознание людей не архаизировалось. Но лишь в условиях кардинального социального перелома переключило акцент с

рационального («левополушарного») мышления на «мифологическое» («правополушарное»).

Иначе говоря, в современном обществе мы не найдем исключительно людей «разумных» или «мифологических», так как каждый человек несет в себе и то, и другое, независимо от ума и образования. И в разных ситуациях, в зависимости от личной или социальной потребности, человек будет прибегать к тем способам мышления, которые ему в данный момент лучше подходят, даже не задумываясь об этом [7].

Значит, мифология не вернулась, а оказалась доступной научному пониманию в новых условиях и при новых возможностях науки, открывшей для себя миф заново. И теперь науке необходимо считаться с тем, что человек в равной степени существо рационально мыслящее и мифотворящее. Считаться, и этот феномен тщательно и системно изучать.

Одной из популярных в свое время идей была мысль, что миф по мере развития человечества если не исчезает, то обязательно вырождается. И значит, те мифы, которые попадают нам в жизни на каждом шагу – и не мифы вовсе, а некие «псевдомифы», симулякры. «Мифы вырождаются, – писал по этому поводу Р. Марле, – символы секуляризуются, но они никогда не исчезают, даже в такой рационалистический век, каким был девятнадцатый. Символы и мифы корнями уходят в глубокую древность: они составляют часть человеческого существования, и нет такой сферы человеческой жизни, где бы они не встречались» [3, С. 53].

Соглашаясь с последними высказываниями Р. Марле о том, что «символы и мифы корнями уходят в глубокую древность» и «составляют часть человеческого существования», выразим несогласие с его мнением о том, что «мифы вырождаются», а «символы секуляризуются». Подобные высказывания сопоставимы с точкой зрения М. Мюллера о том, что миф есть «болезнь языка» или другим утверждением, что миф беднеет.

Дабы соответствовать отражаемой им реальности, миф трансформируется под нее в той степени, в какой необходимо, и плодит тем

самым новые мифы, в том числе и о своем вырождении. С другой стороны, констатация имеющей место секуляризации символов не отражает процесс во всей его полноте и сложности. И мы не сможем его отразить. Но в свою очередь констатируем, что секуляризация символа не отменяет его исходной сакральности, ибо такие явления, как миф и символ, в состоянии обслуживать разных людей и разные сообщества одновременно на профанном и сакральном уровнях, одинаково эффективно. Лишь бы была в этом потребность.

Впрочем, существует и другая точка зрения, согласно которой миф под воздействием рефлексии исчезает [10, с. 30; 4]. «Миф как *status naturalis* [естественное состояние (лат.) – А.С.] исчезает, переходя в безначальную и в то же время незавершимую историю его рецепции» [2], – считает А.Б. Кильхер. Однако в какой степени история принятия мифа обществом связана с его исчезновением, не очень понятно. Хотя, если учесть, что в данном случае речь идет все-таки не об исчезновении мифа в принципе, но лишь о т. н. его естественном состоянии, а под естественным состоянием понимается нечто привычное, то, видимо, речь здесь идет о мифе первобытном, традиционном, архаичном, который для современного общества действительно не типичен. Но с другой стороны, считать современный миф неестественным, на наш взгляд, для мифолога также противоестественно, как нормальному человеку принять мнение, что педофил в отличие от педагога действительно любит детей по-настоящему.

Вот почему, на наш взгляд, речь в данном случае идет не об уничтожении, а о трансформации мифа, которая на сам миф принципиально никак не влияет. В первую очередь потому, что для логики миф настолько же неуловим, насколько какая-либо идея, формула, понятие или схема в состоянии передать всю полноту отражаемой ею жизни. «Так как же эта полнота, – *τό πλήρωμα* –, божественной жизни может быть уложена в узкий гроб логического определения?» [9] – восклицал по этому

поводу П.А. Флоренский, невольно навевая знаменитую гетевскую мысль «теория, мой друг суха, но зеленеет жизни древо».

Развивая свою мысль дальше, П.А. Флоренский писал, что «становясь высшим критерием, понятие тем самым делает уже ненужным всякое проявление жизни. Мало того, так как никакая жизнь не может быть соизмерима с понятием, то всякое движение жизни неизбежно переливается за намеченные понятием границы и, тем самым, оказывается зловредным, нетерпимым» [9].

Однако, хотя данная позиция П.А. Флоренского и не лишена основания, она все же несколько абсолютизирует равно как роль, так и вред понятий, противопоставляя их той жизни, которую они призваны характеризовать. Но применимо к мифу, который через утверждение логики, как единственно допустимого и правильного способа мышления был объявлен «зловредным» и «нетерпимым», соответствует вполне потому, что относительно всевозможных научных и других логических построений миф и есть та жизнь, которую логика не может ни уничтожить, ни принять [7].

Вот почему, на наш взгляд, т.н. псевдомифом является миф, неспособный удовлетворять запросы социума. Неспособность мифа удовлетворять массовым ожиданиям приводит к потере его энергетики. И на место старых мифов приходят новые, соответствующие новым ожиданиям и требованиям. Поэтому в результате ухода одних мифов и прихода других само мифотворчество не устраняется, а рамках мифологического поля происходит подмена одних мифов другими. Но для обывателей этот процесс воспринимается как победа разума над мифом. В действительности один миф заменяет другой.

Остается лишь удивляться тому, насколько миф, несмотря на обилие посвященных ему исследований, умудряется сохранять устойчивые представления, которые можно назвать мифом о мифе. Их главный исходный тезис заключается в том, что миф – ложное, предвзятое, примитивное

объяснение реальности. И скрывается за этим, для одних – простота и понятность, для других – архаика и примитив. Однако если сбросить покровы этой мифологии, то выяснится, что за «примитивностью» мифа мы скрываем свое непонимание, в основе которого наше вызванное нашими мифологиями примитивное отношение к нему. Отношение, объяснимое тем, что мы исследуем непонятное и одновременно чужое. Но, согласно мифической логики, когда происходит подобное, наша психика должна подобрать нам такой правдоподобный ответ, который позволит считать познаваемое, если не родным, то хотя бы понятным. И тогда возникает такое представление, которое научным исследованиям о мифе никак не соответствует, но позволяет нам за счет мифа самоутвердиться, считая склонность к мифотворчеству – уделом глупых и необразованных, незнакомых с логическим мышлением людей. В результате, те, кто мыслит подобным образом, попадают в ловушку своего мифа о мифе, с которым будут жить [6]. Однако большинство людей просто этого не знают.

Внешний наблюдатель воспринимает миф как нечто условное; то, что является следствием определенных исторических обстоятельств и используется людьми для достижения своих целей и контроля над людьми. При этом, борясь с одними мифами, мы используем другие. Спасаясь от одних мифологических режимов, мы прячемся за другой. Более того, нередко миф и контрмиф размещаются в рамках одной мифологемы. Напр.: дооктябрьский и советский мифы о Хозяине и сильной власти, противостоят друг другу и одновременно друг друга «подпирают». Или противостоящие друг другу мифы о либерализме и тоталитаризме, открытом и закрытом обществах, по сути, составляют один миф о справедливом мире, в основе которого лежат разные мифологизированные принципы и подходы.

Подобную ситуацию можно назвать своеобразной игрой мифических масок, плутовством мифа и плутовством с мифом, которые, применительно к людям, очень напоминают попытку обмануть самих себя. Так, плутуя с мифом и представляя его таким, каким ему по нашим представлениям

должно быть, мы сами оказываемся в зоне плутовства мифа, который играет с нами, удовлетворяя наши желания и представляясь для нас в том виде, который мы готовы принять. Хотим мы считать миф плодом творчества примитивных народов, и образ этого желания оказывается в нашем распоряжении. Хотим убедить себя, что современных мифов не бывает или что они – не мифы вовсе, а лишь псевдомифы – и миф делает то, что мы хотим, предлагая нам соответствующую теорию. Нравится нам самоутверждаться за счет мифа, и он тут же предлагает нам варианты – один выгоднее другого. И каждый наделен своим смыслом и представляется нам реальностью. Естественно, дело в данном случае не в мифе как таковом, а в человеке, ибо мифы создает он. А потом обвиняет мифы в том, что сотворил сам.

#### **Список используемой литературы:**

1. *Загвозкина Ю. М.* Политический миф как проблема социальной философии: дис. ... канд. филос. наук. Иваново, 2005. 209 с.
2. *Кильхер А. Б.* Языковой миф каббалы и эстетический модернизм. [Электронный ресурс] // DeJa vu. URL: <http://www.ec-dejavu.net/k/Kabbalah.html> (дата обращения: 02.02.2018).
3. *Марле Р.* Миф и историко-критический метод // Символ, №15, 1986. – С. 53-61.
4. *Пятигорский А. М.* Мифология и сознание современного человека/ [Электронный ресурс] / Полит.ру. URL: <http://www.polit.ru/article/2006/03/02/pjatigorsky/>
5. *Ставицкий А. В.* Миф традиционный и современный // Культура народов Причерноморья. №112. 2007. С. 109-113.

6. *Ставицкий А. В.* Современный миф как социокультурный феномен // Культура народов Причерноморья. №132. 2009, Ноябрь. С. 166-173.

7. *Ставицкий А. В.* Современная мифология: опыт постижения Иного. Севастополь: Рибэст, 2012. 192 с.

8. *Ставицкий А. В.* Современный миф и его основные функции. Севастополь: Рибэст, 2012. 238 с.

9. *Флоренский П. А.* К читателю / Столп и утверждение истины [Электронный ресурс] // Азбука веры. URL: [http://azbyka.ru/vera\\_i\\_neverie/o\\_boge2/stolp\\_i\\_utverzhdenie\\_istiny\\_01-all.shtml](http://azbyka.ru/vera_i_neverie/o_boge2/stolp_i_utverzhdenie_istiny_01-all.shtml)

10. *Шоркин А. Д.* Схемы универсумов в истории культуры. Опыт структурной культурологии. Симферополь. 1996. 216 с.